

ДЕНИС ПОЖИДАЕВ

А ТЕПЕРЬ
МОРЕНЬИ

18+

Денис Пожидаев

А теперь моргни

<https://litres.ru/73810762>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бетонная клетка дарит иллюзию покоя. Пока ты неподвижен, тебе ничто не угрожает. Сотни голосов заботливо просят остаться: снаружи только пустота. Но однажды придется сделать шаг. Это история о природе неизбежности и парализующем страхе перед неизвестным. О том, что по ту сторону границы нет объективного зла. Судьба безразлична — она примет ровно ту форму, которую ты сам заставишь её принять.

Содержание

1. Двор	4
2. Цикл	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Денис Пожидаев

А теперь моргни

1. Двор

Сначала мне показалось, что двор просто пустой.

Так бывает ранним утром в старых районах: машины исчезли, окна молчат, детская площадка стоит без детей, и весь мир на несколько минут притворяется заброшенным. Но здесь было иначе. Пустота не лежала во дворе — она работала.

Мы стояли почти в центре прямоугольной бетонной коробки. Под ногами темнел матовый асфальт, чуть мягкий, будто его недавно нагрели снизу и он ещё не успел снова стать твёрдым. Когда я перенёс вес с одной ноги на другую, подошва едва заметно увязла. Не глубоко, всего на пару миллиметров, но этого хватило, чтобы по спине прошёл холод.

Асфальт не должен так отвечать.

Я посмотрел на дома. Четыре многоэтажки окружали двор слишком ровно. Не просто стояли по периметру — держали его. Серые фасады, облезлая штукатурка, одинаковые ряды балконов, тёмные окна. Обычная старая застройка, если смотреть быстро. Но стоило задержать взгляд, и геометрия начинала плыть. Углы не сходились там, где долж-

ны были, линии стен тянулись внутрь, перспектива вралась. Казалось, дома медленно наклоняются к нам, но не падают. Просто проверяют, сколько ещё пространства можно отнять, чтобы мы не сразу заметили.

Рядом стояла Лена.

Я не знал, почему именно она оказалась здесь со мной. Во сне такие вещи не объясняются. Человек просто появляется рядом, и ты принимаешь это как факт. В реальности мы виделись всего несколько раз: у подъезда, в магазине, однажды на лестнице, когда перегорела лампочка и мы оба поднимались почти в полной темноте.

Тогда она сказала странную вещь. Я уже не помню, с чего начался разговор, но помню её фразу: «Иногда страшнее не когда выхода нет. Страшнее, когда он есть, но ты всё равно не можешь уйти». Я тогда отшутился. Решил, что она говорит о работе, о семье, о какой-нибудь своей усталости. Обычная чужая фраза, которую слышишь, киваешь и забываешь.

Но теперь, в этом дворе, я вспомнил её слишком ясно.

Лена стояла рядом — живая, настоящая, в шаге от меня. И всё равно между нами уже было что-то лишнее. Не расстояние. Предчувствие.

Она молчала.

Я хотел спросить, видит ли она то же самое, но горло было сухим, как после долгого бега. Воздух царапал гортань. В нём стоял привкус пыли, старого бетона и чего-то электрического — будто где-то рядом перегорела проводка, но дым

так и не появился. Ветра не было. Птиц не было. Даже дальнего шума машин не было. Город за пределами двора будто выключили.

Я услышал собственное сердце. Сначала это раздражало, потом испугало. Удары были слишком громкими, слишком телесными. Они отдавались в висках и почему-то в зубах. Каждый удар будто подтверждал: я живой. Пока живой. Пока это ещё имеет значение.

Лена стояла в шаге от меня и смотрела на асфальт.

— Ты тоже это чувствуешь? — спросил я.

Голос получился тихим. Не потому что я хотел говорить тихо. Просто двор забрал у него силу.

Лена не ответила.

Я повернул голову. Её лицо было спокойным, но не пустым. Скорее таким, каким бывает лицо человека, который очень старается не показать, что уже всё понял. Глаза открыты слишком широко. Губы сжаты. Пальцы правой руки медленно сжимались и разжимались, будто она проверяла, слушается ли тело.

Это движение спасло меня. Пальцы двигались. Значит, она была живая. Значит, двор ещё не всё забрал.

Я заставил себя оторвать взгляд от неё и посмотреть дальше. Выходов было два: один напротив нас, между домами, второй позади, такой же узкий и такой же ровный. Это были не арки, не проходы, не обычные дворовые проезды, а скорее разрезы — две аккуратные щели в бетонной стене.

За ними виднелась дорога. Она была странного жёлто-оранжевого цвета, влажная и гладкая, хотя дождя не было. Её поверхность поблёскивала, как свежий шрам. Дальше тянулась полоса серого гравия, а за ней начиналось то, на что невозможно было смотреть долго: не темнота, не туман, не пустырь, а место, где взгляд переставал работать.

Я попытался различить хоть что-нибудь: деревья, дома, небо, линию горизонта. Ничего. Пространство за гравием не скрывало предметы — оно отказывалось их иметь. Глаза соскальзывали с этой пустоты, как пальцы с мокрого стекла.

Меня замутило.

— Нам надо выйти, — сказал я.

Лена едва заметно кивнула.

И в этот момент двор изменился. Не сдвинулся, не загрохотал, не начал разрушаться. Просто стал меньше.

Сначала я почувствовал давление в ушах. Потом тяжесть на плечах. Потом понял, что стены будто приблизились на несколько сантиметров. Этого не могло быть. Я видел те же фасады, те же окна, те же балконы. Но тело знало: расстояние сократилось.

Двор сделал вдох.

2. Цикл

Я не сразу понял, что именно изменилось. Двор оставался тем же: те же стены, тот же асфальт, те же два выхода. Но в воздухе появилась новая плотность, как перед грозой, когда небо ещё серое и неподвижное, а кожа уже знает, что сейчас ударит.

Лена сделала шаг ближе ко мне.

— Что это? — спросила она.

Я хотел ответить, что не знаю, но в этот момент услышал звук. Вернее, не звук, а его отсутствие. За пределами двора что-то двигалось так тяжело и близко, что должно было гудеть, скрежетать, давить воздухом. Но тишина не нарушилась. Она только стала глубже, будто кто-то накрыл двор толстым стеклянным колпаком.

В проходе напротив появилась чёрная плоскость.

Сначала я решил, что это тень. Потом плоскость медленно сместилась, закрывая выход целиком, и я увидел очертания автобуса. Он был длиннее обычного, ниже и тяжелее, с гладкими боками без рекламы, без номеров, без отражений. Матово-чёрный корпус не блестел и не принимал свет. Наоборот, казалось, свет исчезал в нём, как вода в сухой земле.

Я резко обернулся.

Второй автобус уже перекрывал выход позади нас.

Они появились одновременно. Без двигателя, без тормо-

зов, без шороха шин по гравию. Просто заняли свои места, как две заслонки в огромном механизме.

Лена схватила меня за рукав. Пальцы у неё были холодные.

— Мы здесь заперты? — прошептала она.

Я смотрел на ближайший автобус и не мог заставить себя моргнуть. В нём не было ничего откровенно страшного. Ни пасти, ни глаз, ни каких-то нелепых признаков живого существа. Именно поэтому он пугал сильнее. Обычный предмет не может так стоять. Обычный автобус не может быть настолько неподвижным. Даже заглушенная машина остаётся вещью из нашего мира: в ней остывает двигатель, потрескивает металл, пахнет резиной, пылью, салоном. Здесь не было ничего. Перед нами стояла форма, из которой вынули всё, кроме назначения.

Перекрыть выход.

Я сделал шаг назад и почувствовал, как асфальт нехотя отпускает подошву. Двор будто удерживал нас не силой, а липким терпением. Он не спешил. Ему не нужно было спешить.

Автобусы простояли так несколько секунд. Может, минуту. Во сне время не имеет нормальной длины. Я только помню, что успел представить, как мы остаёмся здесь навсегда: стоим в центре двора, дышим пылью, слушаем собственные сердца, а дома постепенно склоняются ниже и ниже, пока не закроют над нами небо.

Потом ближайший автобус сдвинулся.

Без рывка. Без звука. Он просто поплыл в сторону, открывая проход. Почти сразу за моей спиной так же бесшумно ушёл второй. Оба выхода снова стали свободны.

Лена выдохнула. Я понял, что всё это время она задерживала дыхание.

— Сейчас? — спросила она.

Я не ответил. Я смотрел на открытый проход и ждал. Что-то во мне, более древнее и умное, чем мысль, запрещало бежать сразу. Слишком просто. Слишком щедро.

Прошло несколько секунд.

Чёрный корпус снова скользнул в проём и закрыл его.

Второй автобус сделал то же самое.

Лена тихо всхлипнула, но тут же зажала рот ладонью.

Я начал понимать.

Это был не случайный ужас. Не нападение. Не охота. У двора было правило. Выходы открывались и закрывались, как клапаны. Мир за пределами двора не был свободой — он был частью той же системы. Нам показывали возможность уйти, потом отнимали её, потом снова показывали. Не для того, чтобы дать шанс. Чтобы мы сами начали считать секунды. Чтобы надежда стала ещё одним способом держать нас на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.